

Раздел 1. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО Н. Д. КОНДРАТЬЕВА

1

Николай Кондратьев. Жизнь. Судьба. Наследие

Л. Е. Гринин, А. В. Коротаяев

Изложена краткая биография жизни и творчества Н. Д. Кондратьева, показана общность судеб многих ученых – современников Кондратьева. Проанализирован его вклад в мировую экономическую науку. Показано, что распространенное представление, будто главной заслугой Н. Д. Кондратьева является открытие длинных циклов конъюнктуры, ошибочно. На самом деле о долгосрочных колебаниях цен было известно и до него. Заслуга Кондратьева в том, что он сделал длинноволновую динамику предметом специального анализа и впервые создал логичную теорию, подкрепленную многочисленными эмпирическими данными и их концептуальными объяснениями. В статье также излагаются идеи проектов издания Кондратьевской энциклопедии и собрания его сочинений, что позволит сохранить и развить его идейное наследие.

Ключевые слова: творческая биография, научная судьба, идейное наследие, планирование, длинные волны, Конъюнктурный институт, дискуссия 1926 года, «Кондратьевская энциклопедия».

Судьбы ученых, как и обычных людей, удивительно разнообразны. Недаром это разнообразие жизненных путей в древности увязывалось с бесчисленным количеством звезд. Среди крупных ученых есть особый тип тех, кто на основании более или менее известных многим фактов и явлений, используя новый подход, взгляд или метод, создает принципиально новую теорию. При этом она может оказаться далеко не во всем верной (или даже неадекватной в существенных моментах). Тем не менее новый взгляд на крупный пласт явлений приводит к тому, что наука в том или ином смысле переходит на новый уровень.

Удивительное соответствие между строением животных и той средой, в которой они жили, было известно человеку с момента обретения им способности к анализу. Однако идею о том, что именно среда формирует *Кондратьевские волны: палитра взглядов 2013 9–22*

анатомию и особенности строения животных, смог впервые концептуально выразить только Ж. Б. Ламарк. Да, впоследствии стало ясно, что движущие силы эволюции животного мира принципиально иные, нежели предполагал Ламарк. Однако теория эволюции начинается, по сути, с него. Скрещиванием разных сортов гороха, естественно, занималось множество селекционеров. Но только Грегор Мендель стал применять строгие научные методы, чтобы открыть, что существуют законы наследственности. Самое интересное, что горох – нетипичное растение для анализа результатов скрещивания. В других случаях признаки могут смешиваться, и тогда уже нельзя установить четких математических пропорций наследственности. Однако это показывает, что в научном поиске, как и в жизни, всегда есть дорога к открытию, хотя не всегда ее удается отыскать.

К. Марксу приписывали и сегодня нередко приписывают открытие классовой борьбы. Однако он сам конкретно указывал в письме к Иосифу Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. (Маркс 1962: 426–427), что это открытие сделано не им, а «буржуазными историками»¹. Однако Маркс придал исследованиям классовой борьбы совершенно новое значение и звучание. Он увидел ее проявление там, где до него исследовали отдельные эпизоды социального противостояния. В его работах она стала универсальной движущей силой истории. И хотя давно очевидно, что Маркс, Энгельс и марксисты преувеличили роль классовой борьбы, однако именно их работы заставили социологов сделать социальные отношения и социальную структуру общества важнейшей темой своих исследований. В известной мере это стало одной из составных частей будущей социологии.

Знаменитое красное смещение было известно задолго до работ Хаббла. Однако именно он сумел обобщить и интерпретировать накопившиеся к середине 1920-х гг. данные об этом явлении, доказав эмпирически, что наша Вселенная расширяется. И это сыграло революционную роль в развитии современной космологии – можно сказать, что в результате данного открытия изменилось все наше представление о Вселенной.

Когда говорят, что Н. Д. Кондратьев открыл длинные циклы/волны конъюнктуры, то существенно ошибаются. О долгосрочных колебаниях цен (с характерным периодом порядка 60 лет) было известно еще до рождения Кондратьева (см. прежде всего: Jewons 1884; Чупров 1889). Заслугой же Кондратьева было то, что он сделал длинноволновую экономическую и социальную динамику предметом специального анализа и впервые создал логичную теорию, подкрепленную многочисленными эмпирическими данными и их концептуальными объяснениями. Другими словами, Н. Д. Кондратьев был не первооткрывателем длинных волн в экономической и социальной динамике, а создателем первой научной теории этих волн, которые

¹ К. Маркс имел в виду историков французской школы эпохи Реставрации – Ф. Гизо, Ф. Миенье, О. Терри и др. (подробнее о них см.: Гринин 2012: 172–174).

поэтому совершенно заслуженно называются именно «кондратьевскими». Ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

Таким образом, Н. Д. Кондратьева мы можем отнести к особому типу ученых, сумевших на основе уже известных фактов, феноменов и странностей, которые до этого не объяснялись наукой, создать новую теорию, меняющую представления о природе и закономерностях явлений той или иной области и открывающую широкие горизонты для дальнейших исследований.

В настоящем небольшом очерке мы хотели бы кратко изложить основные факты жизни и творчества Н. Д. Кондратьева и немного порассуждать о его наследии, а главное, о том, как его можно преумножить.

Николай Дмитриевич Кондратьев родился 17 марта 1892 г. в деревне Галуевская Костромской губернии в семье ремесленника (гравера)². Он был старшим ребенком из десяти детей, родившихся в этой семье. После окончания начальной школы Николай поступает в церковно-учительскую семинарию, где сдружился с Питиримом Сорокиным, впоследствии всемирно известным социологом. С Сорокиным их длительное время, вплоть до эмиграции последнего, связывала тесная дружба и совместная политическая деятельность. Жизнь Николая уже с подросткового возраста была наполнена достаточно яркими и неординарными событиями – это, впрочем, относится и к немалому числу тогдашних его сверстников, самостоятельно пробивавших себе дорогу в условиях политического брожения в стране. В годы Первой русской революции 1905–1907 гг. юноша вступает в партию социалистов-революционеров, связь с которой он с перерывами поддерживал еще долгие годы, и занимается революционной деятельностью. В результате он исключен из семинарии и вынужден уехать на Украину, где продолжает свое образование. В 1908 г. он обучается в Петербурге, а в 1910 г. поступает на экономическое отделение юридического факультета университета. Юноша посещал занятия таких блестящих ученых, как М. И. Туган-Барановский, М. М. Ковалевский, А. С. Лаппо-Данилевский, Л. И. Петражицкий и др. Николай упорно работает, начинает заниматься наукой и еще будучи студентом публикует в течение 1912–1914 гг. свыше 20 статей, рецензий и других работ. В 1915 г. он оканчивает университет с дипломом первой степени и в этом же году публикует свою первую монографию, одобрительно встреченную критикой. Талантливого студента оставляют работать в университете. Одновременно он работает и заведующим статистико-экономическим отделом петроградского отделения Земского союза.

Все эти годы юноша продолжает активно участвовать в подпольной политической жизни, где он знакомится с видными в будущем политиками,

² При описании биографии Н. Д. Кондратьева мы опираемся на следующие исследования и публикации: Симонов, Фигуровская 1991; 1993; Яковец 2002; Благих 1993; 1994; Ефимкин 1991; Горбунов, Шутов 1994; Абалкин 1992. Мы также пользовались собранием опубликованных к настоящему времени писем Н. Д. Кондратьева его жене (Кондратьев 1991б [1932–1938]), его Curriculum vitae (Кондратьев 1993а) и другими материалами подобного рода.

в том числе большевистской партии. Неудивительно, что с первых дней Февральской революции Кондратьев – активный участник бурных событий в качестве члена партии эсеров. 1917 г. был пиком его политической карьеры. В октябре этого года в возрасте 25 лет он назначается товарищем (заместителем) министра продовольствия во Временном правительстве Керенского. После Октябрьского переворота Кондратьев еще какое-то время продолжает политическую деятельность, от которой отходит окончательно после роспуска Учредительного собрания в январе 1918 г. Он перебирается в Москву, где совмещает работу экономистом в различных учреждениях и преподавательскую деятельность. 1918 г. был трагическим, сложным и поворотным в судьбах России. Кондратьев должен был определиться с жизненным выбором, мучительным ввиду крайнего ожесточения политической борьбы и резкого ухудшения условий жизни. В этом году он практически не публикуется³. Он сходится с кругом известных экономистов, в числе которых был и А. В. Чаянов. Последний приглашает Кондратьева на пост заведующего лабораторией сельскохозяйственной конъюнктуры в организованном им в 1919 г. научно-исследовательском институте сельскохозяйственной экономики и политики.

В 1920 г. на базе лаборатории возникает институт по изучению народно-хозяйственных конъюнктур, заведующим которым назначается Кондратьев. Он продолжает и преподавательскую деятельность. «Его конъюнктурные наблюдения и индексы, публикуемые научные труды прокладывали новые пути глубокого анализа экономической динамики, получили широкое признание как в стране, так и за рубежом», – пишет Ю. Яковец (2002: 711). В начале 1920-х гг. в связи с отказом большевиков от политики военного коммунизма и введением новой экономической политики его привлекают к работе над нормами натурального налога, а позже к составлению пятилетнего плана развития сельского хозяйства. Он также занимается вопросами хлебных цен и хлебной торговли. Кроме того, он начинает работу на государственной службе как начальник управления сельскохозяйственной экономики и политики в Наркомземе.

В это время его в первый раз после октября 1917 г. арестовывают. Это был сигнал об истинном отношении коммунистической власти к таким ученым, как Кондратьев. Однако поскольку арест обошелся без серьезных последствий, Кондратьев, вероятно, посчитал его простой ошибкой. И было отчего. Его карьера шла в гору, его с женой даже отпустили в 1924 г. за границу в довольно длительную научную командировку. Он посещает Германию, Великобританию, Канаду и США. Здесь он в последний раз увиделся со своим другом Питиримом Сорокиным, который предложил ему возглавить кафедру

³ В 1918 г. он опубликовал лишь два политически мотивированных текста. Один из них имел крайне симптоматический заголовок – «На пути к голоду» (Кондратьев 1918а), другой же назывался «Год революции с экономической точки зрения» (Он же 1918б).

в одном из американских университетов. Однако Кондратьев отказывается, считая, что его место в России. Увы, люди, которым дано предвидеть в одном, к сожалению, не могут предвидеть собственную судьбу...

В краткосрочной перспективе его решение не оставаться в США было в заметной степени оправдано. Вызывает сомнение, что, оставшись в США, Кондратьев смог бы к 1925 г. подготовить свои знаменитые «Большие циклы конъюнктуры» (Кондратьев 1925). Дело в том, что в России у Кондратьева было то, что он вряд ли мог в сколько-нибудь полном объеме и достаточно быстро получить в США – Конъюнктурный институт с десятками сотрудников. И не случайно «Большие циклы конъюнктуры» начинаются с благодарности сотрудникам Института за техническую помощь. Действительно, для создания теории длинных волн Кондратьеву нужно было обобщить и математически проанализировать колоссальный объем материала. В большинстве случаев для выявления длинных волн в эмпирических рядах данных требовалось удалять из них трендовую компоненту, при этом данная компонента в большинстве случаев оказывалась нелинейной, выявляемой только при помощи нелинейной регрессии. Только те, кому приходилось анализировать статистически сколько-нибудь значительные массивы данных в докомпьютерную эпоху, могут оценить, какие колоссальные затраты сил и времени требовались для статистического анализа данных, обобщенных в «Больших циклах конъюнктуры», сколько труда стоит за всеми этими графиками и скупыми строками уравнений линий тренда. Совершенно очевидно, что выполнение всех этих расчетов было не под силу одному человеку.

В короткое и яркое семилетие – с 1922 по 1928 г. – выходят в свет основные работы Кондратьева, содержащие принципиально новые идеи. Среди его работ особенно следует отметить: в 1922 г. – монографию «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» (Кондратьев 1922); в 1924 г. – доклад «К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры» (Он же 1924); в 1925 г. – статью «Большие циклы конъюнктуры» (Он же 1925); в 1926 г. – доклад «Мировое хозяйство, 1919–1925 гг.: современное положение и основные тенденции развития» (Он же 1926а) и программную статью «Проблема предвидения» (Он же 1926б); в 1927 г. – статью «Критические заметки о плане развития народного хозяйства» (Он же 1927а) и «План и предвидение» (Он же 1927б); в 1928 г. – «Большие циклы конъюнктуры» (доклад и заключительное слово на дискуссии; Он же 1928)⁴. Взгляды Кондратьева встретили достаточно жесткую критику среди советских экономистов. Сам он в одном из писем жене из тюрьмы подчеркивал, что его работы вызывают шторм (Он же 1991б: 543). При этом дело объяснялось не только ужесточением внутривластной и идеологической борьбы в стране, которая стала все сильнее давить на науку. Дело было и в непривычности идей, в трудностях поиска методик построе-

⁴ В книгу был включен также доклад Д. И. Опарина и выступления участников обсуждения.

ния графиков, показывающих волновую природу колебаний различных индексов. Методики Кондратьева действительно оказались небезупречными, и с этой стороны, равно как и в некоторых других аспектах, критика была отчасти объективной. Однако и все другие методы также были небезупречными и имели серьезные изъяны. Это хорошо видно из дискуссии 1926 г. (Кондратьев 1928: 227–356).

Кондратьев никогда не скрывал методику своих расчетов, напротив, подробно и обстоятельно показывал, из чего он исходит, где недостаточная база данных, где приходится огрублять и сглаживать колебания и т. п. (см., например, его работу 1928 г. «Динамика цен промышленных и сельскохозяйственных товаров»: Он же 2002б [1928]). В любом случае, как это часто бывало в истории науки, за отдельными недостатками оппоненты Кондратьева оказались неспособными увидеть большие перспективы. Как бы то ни было, знаменитая дискуссия 1926 г. не сломила Кондратьева, он был полон уверенности в ценности своих прогнозов. По иронии судьбы некоторые подтверждения своих идей он смог увидеть уже из зарешеченных окон: «...следя отсюда, из тюрьмы, за ходом мирового экономического развития (поскольку до меня доходят некоторые данные прессы), считаю, что некоторые высказанные мною идеи и основанные на них прогнозы получили жизненную проверку и, по-видимому, вошли в фонд признанных положений...» (письмо от 11.04.34 [Он же 1991б: 546]).

В кратком биографическом очерке не место заниматься разбором идей Кондратьева, тем более что это давно сделано и достаточно широко известно (Schumpeter 1939; Kuznets 1940 и др.). Кондратьев отличался завидной шириной взглядов. Им опубликованы работы по широкому кругу вопросов от проблем литературы (Кондратьев 1912; 1914б) в начале своего пути и ранней (1914 г.) монографии «Основные учения о законах социально-экономического развития»⁵ (Он же 1914а) до статьи об индустриализации США в энциклопедии (Он же 1926в). Но в истории мировой экономической мысли он, конечно, остается прежде всего экономистом, создавшим теорию длинных (длительностью в среднем 50–60 лет) циклов, которые проявляют себя в целом ряде важнейших показателей (от цен до выплавки стали). С того времени в прямом смысле слова дефляция перестала быть столь регулярной, как при золотом стандарте, а технический прогресс снизил роль многих продуктов (таких как уголь). Однако длинноволновые колебания неожиданным образом проявились во многих других интегрированных и специальных показателях: таких как темпы роста ВВП или колебания числа патентных заявок на миллион жителей (см., например: Коротаев, Цирель 2010а; 2010б; Гринин, Коротаев, Цирель 2011; Гринин, Коротаев 2012; Korotayev, Zinkina, Bogevolnov 2011). Таким образом, даже если Кондратьев и ошибался в неко-

⁵ Монография эта была написана не без влияния теорий его учителей А. С. Лаппо-Данилевского и М. М. Ковалевского.

торых моментах, даже если удаление трендовых компонент, которое он проводил, не всегда было безупречным, само открытие от этого не теряло своей силы. (Подобно тому, как Коперник считал орбиты планет окружностями, а не эллипсами, но это, как удалось выяснить Кеплеру, не меняло революционности системы Коперника; подобно тому, как скорость красного смещения, открытого Хабблом, оказалась намного выше той, которую предполагал сам Хаббл, но это ничуть не умаляло значимости переворота, произведенного им открытием расширения Вселенной.)

1927 г. был, по сути, последним реальным годом новой экономической политики. Период очень ограниченных экономических свобод заканчивался, а с ним сокращалась и та минимальная свобода творчества, которая еще оставалась у интеллигенции, включая и заграничные поездки, контакты с иностранными учеными, публикации в других странах. Именно благодаря такой крайне ограниченной возможности мир и узнал о теории длинных циклов Кондратьева (ему удалось опубликовать несколько своих работ на европейских языках и заслужить положительные отзывы от таких видных экономистов, как И. Фишер), иначе они бы имели в лучшем случае лишь академическую ценность (прежде всего см.: Kondratieff 1926a).

Сталин и новая команда большевистского руководства брали курс на ускоренную индустриализацию, которая позволила бы создать передовую военную промышленность и армию. Ускоренную индустриализацию можно было провести только за счет колоссального увеличения инвестиций, приобретения новейшего оборудования и машин. Все это можно было получить только на Западе за валюту. А для получения необходимого количества валюты требовалось резкое увеличение экспорта хлеба. Хлеб также был необходим для быстро растущего городского населения и рабочего класса. Покупать хлеб у крестьян по рыночным ценам советская власть в таких объемах не могла и принципиально не желала, а продавать хлеб ниже рыночных цен крестьяне, естественно, не хотели. Все это создало тупиковую ситуацию для большевиков. Для ее разрешения был взят курс на принудительное лишение крестьян земли и возможности трудиться на себя. Их насильственно стали объединять в колхозы, которые обязывали сдавать хлеб государству за бесценок. Фактически такой перелом начался с осени 1929 г. Но ему предшествовала очень ожесточенная идеологическая и политическая борьба в руководстве коммунистической партии и среди специалистов-аграрников. Поскольку это была борьба не только за курс развития, но и за власть в партии и стране, ожесточение ее было огромным. Под жернова этой борьбы попал и Кондратьев, и многие другие экономисты-аграрники, которые не хотели своим научным авторитетом подкреплять право советской власти на тотальное насилие над народом. Действительно, они становились уже помехой власти со своими идеями поощрения хозяйственной инициативы крестьян, ограниченной (а не ускоренной!) индустриализации, сокращения налогового

бремени. Всех хозяйственных и зажиточных крестьян в России стали считать кулаками (а не только значительно разбогатевших и использующих преимущественно наемный труд), и это слово при советской власти стало означать классового врага в деревне. В 1927 г. идеи Кондратьева и других были объявлены «Манифестом кулацкой партии» (так называлась статья Г. Зиновьева в журнале «Большевик»). Ученый почувствовал дуновение ледяного дыхания. Принципиальность в то время стоила свободы и даже головы.

Репрессий не пришлось долго ждать. В 1928 г. Сталиным, Молотовым, Кагановичем был разгромлен так называемый правый уклон в ВКП(б) во главе со старыми партийцами Бухариным, Рыковым и др. И одновременно был нанесен удар по ученым-аграриям. 1 мая 1928 г. Кондратьев был уволен из Конъюнктурного института, а сам институт в скором времени потерял свое значение. Хотя в течение двух последующих лет Кондратьев продолжает научную работу, он уже находится в опале и работ его больше никто не публикует. Можно представить душевные муки человека, над которым сгустились свинцовые тучи. Но еще большие испытания были впереди. 1929 г. был годом так называемого «Великого перелома», когда миллионы крестьян были насильно записаны в колхозы, лишены земли, скота, а сотни тысяч наиболее хозяйственных были раскулачены и высланы из своих мест в малопригодные для жизни области Сибири, на север европейской части России или в Казахстан, где многие из них не выжили. Однако в течение этого года сталинское руководство постоянно лавировало, боясь вспышек народного недовольства и пытаясь свалить собственные неудачи и провалы на других. В этой обстановке необходимо было накалить страсти и найти врагов. Одним из таких врагов, ответственных за трудности, была объявлена фактически не существовавшая (выдуманная в ГПУ) Трудовая крестьянская партия (ТКП). В числе многих ученых-аграрников, якобы состоявших в этой партии, в июне 1930 г. был арестован и Николай Кондратьев (И. В. Сталин лично давал указания, когда и как с ним поступать). Вместе с другими «кулацкими профессорами» он проходил по делу ТКП, был осужден в 1932 г. и приговорен к восьми годам тюремного заключения. Тюремный срок он отбывал в Суздале в здании монастыря, который по тогдашней «моде» использовать монастыри и церкви для самых низменных целей был превращен в тюрьму-политизолятор.

О печальной эволюции физического и морального состояния политзаключенного Кондратьева лучше всего рассказывают его письма. Вскоре после приговора в конце 1932 г. он пишет (возможно, для цензуры), что «Суздальский изолятор производит на меня впечатление очень благоустроенного и культурного места заключения» (Кондратьев 1991б: 535). Все эти годы он насколько возможно продолжает упорно работать над книгой, позже изданной под названием «Основные проблемы экономической статики и динамики». Но уже через два года, в 1934 г., он, хотя все еще держится, часто приходит в отчаяние. Так, Кондратьев пишет, что «в тюрьме ниче-

го подлинно серьезного сделать нельзя», зато это место, в котором «самая обесцененная ценность теперь – человеческая жизнь и мысль». Отчаяние проходит, работа продолжается. Условия и изоляция, однако, берут свое. Здоровье ухудшается, но особенно угнетает необычайная слабость, которая резко снижает работоспособность. К тому же ужесточается тюремный распорядок, ухудшается питание. Однако психологическое желание работать еще осталось, и Кондратьев борется, все еще надеясь, что удастся получить амнистию или смягчение приговора. В 1937 г. он несколько месяцев пролежал в тюремной больнице, у него констатировали четыре заболевания, кроме того, резко упало зрение. В результате заниматься больше не было ни сил, ни желания (Кондратьев 1991б: 558). Теперь все немногие оставшиеся силы уходят на борьбу с болезнью. «Настроение очень, очень подавленное и напряженное. ... Плохо с головой. Прежняя слабость... Временами испытываю приступы такой тоски, отчаяния и тяжести от болезни, что не знаю для себя покойного и удобного положения на кровати», – пишет он в июле 1938 г. (Там же: 560). Но даже в таком состоянии он не может отказаться от чтения, пусть посильного, легкого, потому что мыслитель не может не думать, не может, чтобы голова его была свободна от работы. Чтение, «несомненно, противодействует болезни» (Там же: 561).

А пока он болеет, страдает и борется в тюрьме, полностью замалчиваемый на Родине, его идеи начинают жить своей жизнью. Еще в 1929 г. У. Митчелл в монографии «Экономические циклы» посвятил несколько одобрительных страниц работе Н. Д. Кондратьева по длинным волнам (Mitchell 1929: 231–235), отметив, что эти исследования «открывают мажорные перспективы для будущей работы» (Там же: 234). В конце 1934 г. Кондратьева очень поддерживает возможность прочесть фрагмент статьи профессора И. Фишера, посвященной его работам. В 1935 г. в *Review of Economic and Statistics* выходит на английском языке в сокращенном варианте его статья “The Long Wave in Economic Life” (Kondratieff 1935). А главное, его идеями заинтересовывается австрийский экономист Йозеф Шумпетер. «Рукописи не горят», – сказал современник Кондратьева, писатель Михаил Булгаков, также окончивший жизнь трагически. Он вкладывал в эту фразу тот смысл, что настоящее творчество нельзя замолчать и убить, что истинные произведения все равно пробьют себе дорогу. И в то время когда Кондратьев ощущал «неумолимое наступление» на него судьбы (Кондратьев 1991б: 541) и отчаяние от бессмысленно растраченных времени и сил (Там же: 560), его идеи начинали обретать бессмертие.

Впрочем, для того, чтобы они оказались воспринятыми, сложились подходящие условия. Мир содрогался от депрессии, безработицы и прочих ее спутников. Нужны были новые идеи и концепции, которые объяснили бы необъяснимо долгое и глубокое падение экономики и ее стагнацию. Именно в это время родилась новая экономическая наука, началось восхождение

теорий Дж. Кейнса, С. Кузнецца, Й. Шумпетера и других выдающихся экономистов. Среди новых концепций свое место заняла и кондратьевская теория. В СССР политическая борьба и террор к этому времени достигли апогея. В 1937–1938 гг. тысячи и тысячи представителей интеллигенции, множество талантливых и выдающихся деятелей литературы, искусства, науки были расстреляны или замучены. Тех, кто уже находился много лет в тюрьме, власть выпускать не собиралась. Многим из них фабрикуют новые дела с приговором к смертной казни, который со свойственной власти привычкой к обману, лицемерию и полному пренебрежению к личности звучал как «десять лет без права переписки». И все эти десять мучительных лет родные еще надеялись увидеть своего дорогого узника. Именно такой приговор 17 сентября 1938 г. получил Николай Кондратьев, которого расстреляли в тот же день. Жизнь политзаключенного Кондратьева закончилась. Но жизнь ученого Кондратьева начинала новый этап. В 1939 г. в Нью-Йорке вышла книга Й. Шумпетера «Деловые циклы» (Schumpeter 1939). В ней длинные циклы были названы циклами Кондратьева.

С тех пор интерес к кондратьевской тематике, то уменьшаясь, то возрастая, не утихал. 1930-е гг. были эпохой огромного интереса к изучению экономических циклов. Однако в 1950–1960-е гг. изучение кондратьевских волн вышло из моды. Причудливым образом это было вызвано в заметной степени как раз кондратьевской волновой динамикой – важную роль здесь сыграло то обстоятельство, что мировая экономика в эти годы оказалась на восходящей фазе четвертой кондратьевской волны, характеризовавшейся кратковременными и неглубокими кризисами, – в результате интерес к изучению кризисов и циклов резко пошел на спад. Только в 1970-е гг., с вхождением мировой экономики в нисходящую фазу четвертого цикла Кондратьева, интерес к изучению К-волн снова возродился, что нашло свое выражение в обстоятельных исследованиях Г. Менша (Mensch 1979), Э. Манделя (Mandel 1980), Дж. Форрестера (Forrester 1978; 1981), а также исследовательской группы Международного института прикладного системного анализа в Лаксенбурге, Австрия (IIASA = International Institute for Applied Systems Analysis), под руководством Ч. Маркетти (см., например: Marchetti 1983). В целом очень примечательно, что на мировом уровне сам интерес к длинным волнам в экономике испытывает длинноволновые колебания с тем же самым периодом, что и циклы Кондратьева, при этом он растет на нисходящих фазах этих циклов и падает на восходящих фазах (об этом феномене см.: Devezas, Corredine 2001).

В 1980-е гг. о длинных волнах наконец заговорили и на родине ученого. А в 1987 г. состоялась и полная реабилитация всех, кто был осужден вместе с Кондратьевым по делу Трудовой крестьянской партии, «за отсутствием состава преступления». Волна публикаций произведений ученого и исследований его творчества прокатилась по СССР и постсоветской России

(Кондратьев 1988; 1991а; 1993б; 1993в; Меньшиков, Клименко 1989; Полетаев, Савельева 1993; см. также специальный выпуск *Вопросы экономики* [№ 10, 1992]). Его идеи обретали новый импульс.

Хотя в настоящее время в мире не так уж много исследователей продолжают «линию Кондратьева», сделать в этом направлении предстоит еще немало. Например, до сих пор даже не решена проблема объединения в единое целое теорий средних и длинных циклов, хотя интуитивно многим исследователям понятно, что циклы Жюгляра и волны Кондратьева – это две стороны одной и той же медали. При этом рассматривать последовательность нескольких жюгляровских циклов как единый период, имеющий повышательный или понижающий импульс, предлагал еще А. Шпитгоф (см.: Кондратьев 1993г [1925]: 28). Но Шпитгоф не выделял длинные циклы (Там же). (Подробнее об этой проблеме см.: Гринин, Коротаев 2012: гл. 3.)

Мы бы также предложили подумать об издании «Кондратьевской энциклопедии». На наш взгляд, она могла бы состоять из двух разделов:

1) Н. Д. Кондратьев: Жизнь. Творчество. Окружение.

Этот раздел будет содержать статьи об основных этапах жизни Кондратьева, его главных работах, современниках, с которыми он был связан в своей жизни и деятельности (М. И. Туган-Барановский, М. М. Ковалевский, А. С. Лаппо-Данилевский, П. Сорокин, А. В. Чаянов, Д. И. Опарин и др.) и т. д.

2) Теория длинных волн: Основные понятия. Трактовки. Персоналии.

Этот раздел мог бы содержать статьи по каждой из кондратьевских волн, по основным факторам волновой динамики, по всем основным версиям этой теории, по каждому из технологических укладов и т. п.

В общей сложности энциклопедия могла бы содержать 300–400 статей. При этом отдельные статьи энциклопедии можно, не дожидаясь выхода книги, публиковать на сайте Фонда им. Н. Д. Кондратьева, в альманахе «Кондратьевские волны» и т. д. На сайте также можно было бы обсуждать структуру энциклопедии и прочие вопросы подготовки данного издания. В этом случае вокруг проекта удалось бы объединить очень большое число участников.

Очевиден и еще один долг нашего сообщества перед Н. Д. Кондратьевым. Речь идет о том, что многотомное собрание сочинений выдающегося российского экономиста есть пока еще только на английском языке (Kondratieff 1998). А вот на русском языке, как это ни удивительно, его до сих пор нет! И осуществить издание полноценного многотомного собрания сочинений Н. Д. Кондратьева нам, конечно, необходимо в ближайшем обозримом будущем.

Библиография

Абалкин Л. И. 1992. Научное наследие Н. Д. Кондратьева и современность: К 110-летию со дня рождения. *Вопросы экономики* 10: 4–25.

- Благих И. А. 1993.** К 100-летию со дня рождения Н. Д. Кондратьева. *Вестник РАН* 2: 112–121.
- Благих И. А. 1994.** Николай Кондратьев – экономист, мыслитель, гражданин. *Вестник РАН* 64(2): 138–146.
- Горбунов С. В., Шутов Г. К. 1994.** *Узник «Святого монастыря»*. Иваново: Галка.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2011.** *Циклы развития современной Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Ефимкин А. П. 1991.** *Дважды реабилитированные: Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Юровский*. М.; Л.: Финансы и статистика.
- Кондратьев Н. Д. 1912.** Литература и народ. *Жизнь для всех* 5.
- Кондратьев Н. Д. 1914а.** *Основные учения о законах развития общественной жизни*. СПб.
- Кондратьев Н. Д. 1914б.** Разложение в устно-коллективной поэзии. *Историческое обозрение*. Т. 19.
- Кондратьев Н. Д. 1918а.** На пути к голоду. *Большевики у власти: Социально-политические итоги Октябрьского переворота*. М.
- Кондратьев Н. Д. 1918б.** Год революции с экономической точки зрения. *Год русской революции, 1917–1918*. М.
- Кондратьев Н. Д. 1922.** *Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны*. Вологда: Обл. отделение Гос. изд-ва.
- Кондратьев Н. Д. 1923.** *Михаил Иванович Туган-Барановский*. Пг.: Колос.
- Кондратьев Н. Д. 1924.** К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры. *Социалистическое хозяйство*. Кн. 2.
- Кондратьев Н. Д. 1925.** Большие циклы конъюнктуры. *Вопросы конъюнктуры* 1(1): 8–79.
- Кондратьев Н. Д. 1926а.** *Мировое хозяйство. 1919–1925 гг.: Современное положение и основные тенденции развития*. М.; Л.: ЦУП ВСНХ СССР.
- Кондратьев Н. Д. 1926б.** Проблема предвидения. *Вопросы конъюнктуры*. Т. 2. Вып. 2.
- Кондратьев Н. Д. 1926в.** Северо-Американские Соединенные Штаты: Индустриализация. *Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат*. 7-е изд. Т. 41. Ч. 6. М.
- Кондратьев Н. Д. 1927а.** Критические заметки о плане развития народного хозяйства. *Плановое хозяйство* 4.
- Кондратьев Н. Д. 1927б.** План и предвидение: К вопросу о методах составления перспективных планов развития народного хозяйства и сельского хозяйства в частности. *Пути сельского хозяйства* 10(28).
- Кондратьев Н. Д. 1928.** *Большие циклы конъюнктуры. Доклады и их обсуждение в Институте экономики*. М.: Институт экономики.

- Кондратьев Н. Д. 1988.** Проблема предвидения. *Экономика и математические методы* 24(2): 245–268.
- Кондратьев Н. Д. 1991a [1932].** *Основные проблемы экономической статики и динамики.* М.: Наука.
- Кондратьев Н. Д. 1991б [1932–1938].** Письма Н. Д. Кондратьева Е. Д. Кондратьевой (1932–1938). *Основные проблемы экономической статики и динамики*, с. 535–561. М.: Наука.
- Кондратьев Н. Д. 1993a.** Curriculum vitae. В: Кондратьев 1993в: 14–16.
- Кондратьев Н. Д. 1993б.** *Особое мнение. Избранные произведения в 2 книгах.* М.: Наука.
- Кондратьев Н. Д. 1993в.** *Избранные произведения.* М.: Экономика.
- Кондратьев Н. Д. 1993г [1925].** Большие циклы конъюнктуры. В: Кондратьев 1993в: 24–84.
- Кондратьев Н. Д. 2002a [1926].** *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения.* М.: Экономика.
- Кондратьев Н. Д. 2002б [1928].** *Динамика цен сельскохозяйственных и промышленных товаров.* В: Кондратьев 2002: 401–502.
- Коротаев А. В., Цирель С. В. 2010a.** Кондратьевские волны в мировой экономической динамике. *Системный мониторинг глобального и регионального развития* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, с. 189–229. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаев А. В., Цирель С. В. 2010б.** Кондратьевские волны в мир-системной экономической динамике. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, с. 5–69. М.: ЛКИ/URSS.
- Маркс К. 1962.** Иосифу Вейдемейеру, 5 марта 1852 г. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 28, с. 422–428. М.: Гос. изд-во полит. лит.-ры.
- Меньшиков С. М., Клименко Л. А. 1989.** *Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу.* М.: Международные отношения.
- Полетаев А. В., Савельева И. М. 1993.** *Циклы Кондратьева и развитие капитализма (опыт междисциплинарного исследования).* М.: Наука.
- Симонов В. В., Фигуровская Н. К. 1991.** Николай Дмитриевич Кондратьев (краткая биография). В: Кондратьев Н. Д., *Основные проблемы экономической статики и динамики*, с. 524–534. М.: Наука.
- Симонов В. В., Фигуровская Н. К. 1993.** «Великий перелом» (дело «Трудовой крестьянской партии»). В: Кондратьев 1993б. Кн. 2: 573–608.
- Чупров А. И. 1889.** *О характере и причинах современного промышленного кризиса в Западной Европе.* М.: Тип. А. И. Мамонтова.
- Яковец Ю. В. 2002.** Наследие Н. Д. Кондратьева: взгляд из XXI века. В: Кондратьев 2002: 708–736.
- Devezas T. C., Corredine J. 2001.** The Biological Determinants of Long-Wave Behavior in Socioeconomic Growth and Development. *Technological Forecasting and Social Change* 68: 1–57.
- Forrester J. W. 1978.** *Innovation and the Economic Long Wave.* MIT System Dynamics Group working paper. Cambridge, MA: MIT.

- Forrester J. W. 1981.** *The Kondratieff Cycle and Changing Economic Conditions.* MIT System Dynamics Group working paper. Cambridge, MA: MIT.
- Jewons W. S. 1884.** *Investigations in Currency and Finance.* London: Macmillan.
- Kondratieff N. D. 1926.** Die langen Wellen der Konjunktur. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* 56: 573–609.
- Kondratieff N. D. 1935.** The Long Wave in Economic Life. *Review of Economics and Statistics.* November 17(7): 105–115.
- Kondratieff N. D. 1998.** *The Works of Nikolai D. Kondratiev* / Ed. by W. Samuels, N. Makasheva, and V. Barnett. 4 vols. London: Pickering and Chatto.
- Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J. 2011.** Kondratieff Waves in Global Invention Activity (1900–2008). *Technological Forecasting & Social Change* 78: 1280–1284.
- Kuznets S. 1940.** Schumpeter’s Business Cycles. *American Economic Review* 30(2): 257–271.
- Mandel E. 1980.** *Long Waves of Capitalist Development.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Marchetti C. 1983.** Recession 1983: Ten More Years to Go? *Technological Forecasting and Social Change* 24: 331–342.
- Mensch G. 1979.** *Stalemate in Technology – Innovations Overcome the Depression.* New York: Ballinger.
- Mitchell W. C. 1929.** *Business Cycles.* Berkeley, CA: University of California Press.
- Schumpeter J. A. 1939.** *Business Cycles.* New York: McGraw-Hill.